

УДК 331.108.2:35.08(470.319)''1921/1928''

DOI:10.22394/2225-8272-2021-10-4-12-25

ЛИВЦОВ Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru

САРАН Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель начальника научно-организационного отдела, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

LIVTSOV V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Central Russian Institute of Management – Branch (Orel, Russian Federation), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru

SARAN A.Y., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Science and Technology, Orel State University of Economics and Trade (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ СОВЕТСКО-ПАРТИЙНОЙ СЛУЖБЫ В ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1921–1928 ГГ.

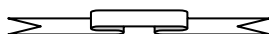
TRAINING OF PERSONNEL FOR THE SOVIET PARTY SERVICE IN THE OREL PROVINCE IN 1921–1928

Аннотация. Целью статьи является анализ эволюции системы подготовки и переподготовки профессиональных кадров для государственной службы в Орловской губернии в 1921–1928 гг. Губерния в этот период, наряду со всеми общегосударственными процессами, связанными с НЭПом, переживала еще и собственный этап региональной истории. В 1920 году из ее 12 уездов четыре были отделены для создания Брянской губернии, что значительно сократило ее экономический потенциал и лишило части управленческих кадров, которые перешли в новую губернию. В 1928 году завершилась история Орловской губернии, поскольку ее территория вошла в состав новообразованной Центрально-Черноземной области. Хронологические рамки 1921–1928 гг. ограничивают период НЭПа в стране в целом и последний период в истории Орловской губернии, в частности. Профессиональная подготовка партийно-государственных кадров велась в Орловской губернской советско-партийной школе имени В. И. Ленина, где курсанты обучались в течение двух лет. Выпускников могли назначать на различные должности в системе партийно-государственного управления. Также на базе школы проводилось повышение квалификации сотрудников различных организаций. Изучение истории школы позволяет детально воспроизвести систему подготовки кадров советских и партийных работников, увидеть процесс формирования региональной элиты, а также воссоздать коллективный образ регионального чиновника Орловской губернии 1920-х гг.

Ключевые слова: государственная служба, государственные служащие, Орловская губерния, история профессионального образования, Орловская губернская советско-партийная школа.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the evolution of the system of training and retraining of professional personnel for public service in the Orel province in 1921–1928. The province during this period, along with all the national processes related to the NEP, was also experiencing its own stage of regional history. In 1920, four of its 12 counties were separated to create the Bryansk province, which significantly reduced its economic potential and deprived some of the managerial personnel who moved to the new province. In 1928 The history of the Orel province has ended, since its territory became part of the newly formed Central Chernozem region. The chronological framework of 1921–1928 limits the period of NEP in the country as a whole and the last period in the history of the Orel province, in particular. Professional training of party and state cadres was conducted at the Orel Provincial Soviet Party School named after V.I. Lenin, where the cadets studied for two years, graduates could be appointed to various positions in the system of party and state administration, also on the basis of the school, professional development was carried out by employees of various organizations. Studying the history of the school allows you to reproduce in detail the system of training Soviet and party personnel workers, to see the process of formation of the regional elite, as well as to recreate the collective image of a regional official of the Orel province of the 1920s.

Keywords: civil service, civil servants, Orel province, history of vocational education, Orel provincial Soviet-party school.

ВВЕДЕНИЕ

Система государственного управления в Советском Союзе строилась на нескольких основаниях, общая политическая линия развития страны и регионов находилась в руках профессиональных партийных работников РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, реализация этой политической линии в практической деятельности осуществлялась законодательными и исполнительными органами советской власти, а также специализированными ведомствами (народными комиссариатами, позднее – министерствами). «Все органы государственного управления осуществляют планирование, общее руководство, регулирование, непосредственное управление, контроль и учет в своей области» [10, С. 15]. В настоящей статье развивается тема подготовки и переподготовки кадров государственных служащих в Орловском крае, поднятая в предыдущей работе авторов [11, С. 12–22]. Исследуемый период – 1921–1928 гг. – является этапным как в истории страны, так и в региональной истории. В 1921 году завершается политика военного коммунизма и начинается проведение новой экономической политики (НЭП), что способствовало окончательному завершению Гражданской войны в 1922 году, а также созданию в том же году нового государства – Союза Советских Социалистических Республик. 1928 год стал последним годом НЭПа, рубежом перехода от допущения рыночных методов в экономике и некоторого послабления диктатуры пролетариата в политической сфере к форсированному развитию тяжелой промышленности, сплошной коллективизации в сельском хозяйстве и резкому усилению роли руководящих органов компартии в сфере государственного управления.

Орловская губерния в 1921–1928 гг., наряду со всеми общегосударственными процессами, переживала ещё и собственный период региональной истории. В 1920 году из её 12 уездов четыре были отделены для созда-

ния Брянской губернии, что не только значительно сократило её экономический, в первую очередь промышленный потенциал, но и лишило значительной части управленческих кадров, которые перешли в новую губернию. То есть 1921 год стал началом функционирования Орловской губернии в сокращенном виде. В 1925 году из Тульской губернии в Орловскую был передан Новосильский уезд [8, С. 640], что расширило ее территорию, но не компенсировало потери западных промышленных регионов. А в 1928 году завершилась история Орловской губернии, поскольку ее территория вошла в состав новообразованной Центрально-Черноземной области (ЦЧО) с кардинальным реформированием системы управления – вместо губернских органов власти создаются местные органы управления Орловским и Елецким округами ЦЧО, а часть бывших Ливенского и Малоархангельского районов отходит в состав Курского округа [14, С. 48]. Таким образом, хронологические рамки 1921–1928 гг. ограничивают период НЭПа в стране в целом и последний период в истории Орловской губернии, в частности.

Период военного коммунизма и Гражданской войны характеризовался напряжением всех сил коммунистического и советского государственного аппарата для захвата, удержания или отвоёвывания власти у конкурирующих политических сил. В это время условий для работы по подготовке новых государственных кадров было немного. После завершения Гражданской войны на Европейской территории страны в 1920 году ситуация меняется.

Непосредственно специальная профессиональная подготовка партийно-государственных кадров в Орловской губернии берет свое начало с *Орловской губернской советско-партийной школы* (ГСПШ), первые упоминания о которой относятся к 1921 году, когда губернией фактически руководил ответственный секретарь губкома

РКП(б) В. В. Ломинадзе [15, С. 27], впоследствии видный партийный деятель [16, С. 270–271]. Задачей школы была подготовка в течение двух лет потенциальных кадров для руководящей партийной или советской работы, как в тот период обозначались государственные служащие. Кроме того, в совпартшколе на краткосрочных курсах повышали свою квалификацию и получали «идеологическую подзарядку» через прослушивание курсов марксизма-ленинизма действующие или потенциальные чиновники из разных учреждений.

Поскольку задачей государственного служащего является дисциплинированное выполнение указаний руководства, то именно воспитание у курсантов исполнительской дисциплины было одним из основных направлений работы. Об этом, в частности, говорилось 30 декабря 1924 года на объединенном заседании ячеек РКП(б) и РЛКСМ совпартшколы совместно с партколлегией Орловского губкома компартии: «...ребята, приехавшие из деревень, заражены демократичностью, хорошо еще не во всех вопросах разбираются» [3, Л. 2]. Было также отмечено, что этот «недостаток» – демократичность – в совпартшколе у курсантов постепенно «изживается». Также курсанты должны были по результатам обучения «быть знакомы, хотя бы поверхностно, по советским видам общественных работ, дабы уметь свободно в них ориентироваться и давать соответствующие указания при недостатках той или иной отрасли работы» [3, Л. 10 об.]. В данном контексте выражение «советские виды общественных работ» следует понимать, скорее, как области государственной и муниципальной службы, которые в будущем курсантам Орловской губернской совпартшколы имени В. И. Ленина предстояло курировать, проверять или даже руководить ими.

Заведующим совпартшколой в 1924 году являлся Г. Н. Васильев, который получал жалование по 16-му разряду тарифной сетки. В

штате было 37 сотрудников: завуч П. С. Лосев (15-й разряд) со своими сотрудниками А. С. Светозаровым и П. М. Зерновым (13-й разряд), зав. административной частью (завхоз) Ф. И. Троценко (13-й разряд), завклубом П. А. Сальков (12-й разряд), заведующие кабинетами Н. М. Ми-хайловский (физический), Я. Б. Гревцев (географический), В. В. Матвеев (биологический), Л. И. Семенов (химическая лаборатория) и штатные лекторы С. И. Горовой, М. Мурав-ский, М. П. Баканов, М. И. Лебедева, В. В. Преображенский, И. С. Губонина, Ц. Я. Шапиро оплачивались по 15-му разряду, библиотекари М. Лебедева (12-й разряд), К. Иножарский, а также сотрудники бухгалтерии, медицинского пункта, кухни и прачечной, ставки которых колебались от 11-го разряда сетки технических сотрудников у кладовщика до 4-го разряда у курьера [2, Л. 2–2 об.; Л. 8 об. – 9]. По мере надобности привлекались преподаватели с почасовой оплатой – таким образом в марте 1925 года были привлечены к работе Жердев, Федоров и Воскресенский [2, Л. 31 об.]. По окончании учебного года увольнялись не только почасовики, но и часть штатных преподавателей, а также руководителей кружков [2, Л. 33], другая часть преподавателей отправлялась в отпуск [2, Л. 34 об.]. Права и обязанности сотрудников были закреплены в коллективном договоре. Состав сотрудников довольно часто менялся, к примеру, с окончанием отопительного сезона увольняли истопников.

Совпартшкола находилась в ведении органов наркомата народного просвещения и финансировалась ими (наркомпрос, нарком А. В. Луначарский). Использовались и другие источники финансирования. Так, распоряжением заведующего № 51 от 8 марта 1925 года было предписано «преподавателя общественных предметов тов. Шапиро Цицилию исключить с денежного довольствия с марта с/г ввиду перехода ее на содержание от кассы соцстраха» [2, Л. 18 об.]. Впрочем, с июня Ша-

пиро вновь стала получать зарплату в совпартшколе.

По другим вопросам совпартшкола тесно сотрудничала со многими органами власти. Так, студентов на практику распределяли при участии представителей горрайкома и уездного комитета ВКП (б), губполитпросвета губкома компартии, губисполкома и представителей органов кооперации [3, Л. 6].

Для занятий совпартшколы городские власти в 1921 году выделили здание бывшего Александровского реального училища (г. Орёл, ул. Кромская, с 1924 года – Комсомольская, 33), закрытого в 1918 году [9, С. 144]. В 1925 году она действовала по адресу: г. Орёл, здание бывшего земства, скорее всего, на ул. Борисоглебской (Салтыкова-Щедрина, 23), а затем, вплоть до ликвидации Орловской губернии в 1928 году, по адресу: г. Орёл, ул. Тургенева, 10 (здание не сохранилось). Летом, когда заканчивались занятия, в здании совпартшколы производился ремонт. Так, 22 июля 1925 года была назначена комиссия по приемке здания после проведенного ремонта [2, Л. 34–34 об.].

На первом потоке вечерних курсов Орловской губернской совпартшколы в августе 1921 года был 41 курсант [1, Л. 14–15]. Слушатели набирались по разверстке органов ВКП (б). В Орловском губернском почтово-телеграфном управлении наркомата связи, который возглавлял заведующий А. С. Жуковский [13, С. 510], слушателей в совпартшколу назначал президиум комячейки, а в Орловском железнодорожном депо курсанты выдвигались на общем партсобрании. В частности, железнодорожника Илью Наумова 4 августа 1921 года на службе официально известили, что по распоряжению райкома компартии он становится слушателем партшколы на месячных курсах, при этом уточнялось, что: «...явка обязательна. На время занятий в партшколе Вы освобождаетесь от явки Всеобуча и на один час раньше от заня-

тий» [1, Л. 1–1 об.]. Занятия в совпартшколе начинались в 19 часов. На извещении Наумов расписался и обязался исполнить.

Слушатели вечерних курсов совпартшколы набирались в первую очередь из государственных учреждений – управления рабочей крестьянской инспекции, губстатотдела, губернского отдела юстиции, губвоенкомата, дорожно-транспортной ЧК, батальона ЧОН, Московско-Курской, Орловско-Витебской и Юго-Восточной железных дорог. Администрация школы не полагалась исключительно на партийные органы при наборе слушателей дневного отделения – во второй половине августа преподаватели, возвратившиеся из отпуска, командировались на 6–10 дней во все уезды Орловской губернии для набора курсантов [2, Л. 36 об.].

За посещаемостью курсантами занятий на вечерних курсах отвечала парторганизация на месте их постоянной работы. Бюро партийных ячеек 25-го отдельного батальона войск ВЧК 3 августа 1921 года отдало распоряжение в ячейку роты связи, что «за аккуратное и регулярное посещение [курсантов] будет отвечать секретарь данной ячейки, причем ни в караул, ни в какие другие наряды данные товарищи не подлежат» [1, Л. 2]. А вот железнодорожный отряд милиции Орловского участка Юго-Восточной железной дороги курсантов в наряд назначал, как следует из объяснительной записки слушателя совпартшколы Семена Илюхина от 24 августа 1921 года [1, Л. 10]. В батальоне ЧОН от дежурств также не освобождали. В случае пропуска занятий по болезни курсанты представляли в школу справку от врача.

Некоторые курсанты пытались отлынивать от занятий. Слушателю совпартшколы Лисицыну на место его службы в губсоюзе 16 октября 1921 года пришла срочная депеша, в которой значилось: «...агитпропотдел райкома ВКП (б) 2-го района обязывает Вас в порядке строжайшей партийной дисциплины

ежедневно посещать курсы районной партшколы при губсовпартшколе. Других напоминаний не будет и дальнейшее непосещение Вами занятий повлечёт применение мер партвызыскания» [1, Л. 19].

Организации, направлявшие слушателей в совпартшколу, могли заменять кандидатуры. Так, 22 сентября 1921 года 1-й райком ВКП(б) г. Орла просил «исключить из списков, посещающих партшколу из комячейки губюста, Климова Ивана, а вместо него зачислить т. Коноплева Ивана» [1, Л. 24]. В тот же день этот райком просил слушательницу «т. Сергееву [от ячейки Губчека] исключить временно, так как она находится в настоящее время в отпуску» [1, Л. 25]. У железнодорожника Соболевского занятия в совпартшколе совпадали по времени с учебой в Орловском техникуме, и партячейка МКЖД просила освободить его от курсов, назначив замену – служащего станции Орёл Константинова [1, Л. 27].

В приказе от 1 октября 1924 года № 1 по Орловской губсовпартшколе имени В. И. Ленина ее заведующий Г. Н. Васильев утвердил список из 181 курсанта в группах 1-й и 2-й ступени и отдельной лекторской группы. Одним из руководящих органов было названо «Педагогическое совещание школы с участием представителей от губкома [ВКП(б)] и губоно» [2, Л. 3 об.]. Здесь же был определен рабочий день для сотрудников, преподавателей и курсантов – с 9 до 15 часов. Через день появился еще один орган управления – старостат, состав которого избирался на общем собрании курсантов. Председателем бюро старостата был избран курсант групп «Б» 2-й ступени обучения Дмитрий Петров. Методическое бюро занималось вопросами учебного процесса, руководило предметными комиссиями.

Для проведения внеклассной работы распоряжением № 50 от 7 марта 1925 года «зачисляется на должность руководителя хорово-

го кружка гр. Сибиряк по 13-му разряду технической ставки» [2, Л. 18].

Совпартшкола поддерживала связи со своими выпускниками, для чего 5 декабря 1924 года была создана специальная комиссия. Как отмечал её председатель в своём отчёте 28 февраля 1925 года, «пишут курсанты с мест мало, а поэтому и отвечать приходится мало... На три письма от курсантов, которые окончили школу в прошлом году, послали три ответа. Характер письма носят следующий. Прежде всего, описательный, затем даем ответы на все вопросы, которые встречаются у них в процессе практической работы» [6, Л. 11].

Эта же комиссия отвечала за связь с подшефными морями. Связь тоже носила эпистолярный характер, было послано три письма морякам Черноморского флота и два – Балтфлоту. Черноморцы на письма ответили, прислали номера газеты «Черноморец», в ответ из Орла были посланы несколько экземпляров «Правды молодёжи». От балтийцев ответов не последовало [6, Л. 11].

Курсанты в школу набирались в возрасте 18–35 лет, многие из них были членами РКСМ, в целом губернская комсомольская организация насчитывала в 1925 году около 12 тыс. членов и кандидатов [12, С. 21]. Поэтому комсомольская организация совпартшколы играла важную роль в деятельности учебного заведения. Курсанты в зимние каникулы 1923–1924 гг. занимались внеклассной работой по месту жительства. В марте 1924 года специальная комсомольская комиссия подвела итоги этой работы. Отчёты представили 56 курсантов-комсомольцев, которые в общей сложности доложили о проведении 249 лекций и бесед. По тематике выступления затрагивали следующие темы: на смерть В. И. Ленина (47 комсомольцев, то есть почти все участники лекционной кампании, провели 52 беседы), комсомольское Рождество (41 доклад), «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 года

(40 докладов), на смерть Карла Либкнехта и Розы Люксембург (22 беседы), работа с допризывниками (24 доклада), партийная и комсомольская работа (28 докладов), о Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и Обществе друзей воздушного флота (ОДВФ, 5 докладов), о кооперации (2 комсомольца сделали 9 докладов), на тему изб-читален (9 докладов) и т.д. [6, Л. 1].

В частности, курсант совпартшколы Семенова 4 января 1924 года получила удостоверение от Мценского уездного комитета РКСМ о командировке в Плехановскую волость «для проведения антирелигиозной кампании «Комсомольское Рождество». Просьба волкомам РКП(б) и волисполкомам оказывать полное содействие» [7, Л. 3]. А курсант Миленушкин получил подобное удостоверение 20 декабря 1923 года от губернского комитета РКСМ и был направлен в Ливенский уезд [7, Л. 5]. По итогам работы командируемые курсанты получали справки от принимающей стороны. Так, курсанту В. Лунину 12 января 1924 года комитет РКСМ Орловского района выдал справку «о том, что он участвовал в проведении кампании «Комсомольское Рождество» в совхозах среди батрацкой молодёжи и среди беспартийных в Рябинской волости» [7, Л. 8].

В январе 1925 года комсомольская организация утвердила план внешкольной работы курсантов второго года обучения по обследованию в течение февраля-марта различных организаций Орловской губернии. Курсанты-комсомольцы в соответствии с профилем своей будущей работы делились на четыре отрасли: партийно-комсомольскую, торгово-промышленную, политико-просветительскую и советско-административную. К каждой группе из 15 курсантов прикреплялся сотрудник Орловского губкома ВКП(б). Обследование нужно было проводить по программе не менее чем в 25 часов [6, Л. 3]. Курсанты первого года обучения получали задание обследовать работу губоно, губфо, отдела коммунального

хозяйства, партийно-комсомольских органов, промышленных предприятий и профсоюзов [3, Л. 4 об.].

Совпартшкола шефствовала над семью орловскими деревнями, в которых проживали 430 домохозяев. Для этого в октябре 1924 года была создана шефская комиссия по работе в деревне при ГСПШ. В составе комиссии значилось 75 человек во главе с бюро из 4 курсантов, председатель – курсант Желудько. К 1 июня 1925 года шефская комиссия провела 5 заседаний бюро и 6 общих собраний, а также 38 еженедельных воскресных выездов в деревни [6, Л. 18]. Школьное шефское общество тесно сотрудничало с райкомами, волостными комитетами ВКП(б) и сельскими советами, участвовало в их заседаниях, координировало работу с крестьянами. Поддерживалась связь и с Центральной избой-читальней.

Шефская работа заключалась в предоставлении библиотек-передвижек с сельскохозяйственной литературой, в выпуске газет «Орловская правда», «Беднота», «Крестьянская газета» и других. Совместно с местными органами власти и школьными работниками слушатели совпартшколы провели в День Октябрьской революции 7 ноября 1924 года в подшефных деревнях демонстрации и прочитали доклады по этой теме [3, Л. 20]. Курсанты-комсомольцы проводили в подшефных деревнях беседы о кооперации, госстрахе, международном положении СССР и на другие подобные темы. Благодаря курсантам в этих деревнях были созданы общественные организации: Союз воинствующих безбожников (27 человек), Общество друзей воздушного флота (29 человек), МОПР (22) [6, Л. 4]. Было создано 5 пунктов ликвидации неграмотности. Отдельно велась работа среди женщин – было проведено 8 делегатских собраний, для сельских женщин было прочитано 49 докладов «на жизненные темы» [6, Л. 18 об.]. Особая заявка поступила в шеф-

ское общество ГСПШ 25 ноября 1924 года из Орловского горрайкома РЛКСМ, в ней говорилось: «...в целях усиления работы среди девушек-крестьянок в начале декабря проводится конференция девушек. Следует принять активное участие, посылая туда своих представителей, литературу и газеты для делегатов, поставить силами ячейки спектакль или концерт» [7, Л. 49].

Участники шефской работы вели индивидуальные дневники и отчитывались на бюро комсомольской ячейки совпартшколы. Итоги работы в течение 1924–1925 гг. были оценены следующим образом: «посещаемость крестьянами красных уголков до самой весны возросла, часть стала самостоятельно выписывать газеты, мы являемся стимуляторами интереса к чтению, а также к созданию пионеротрядов, красных уголков, кружков ликвидации безграмотности. В связи с весенними работами шефская работа до некоторой степени свернута» [6, 4 об.].

Шефская работа Орловской губсовпартшколы инициировалась не только сверху, из губернских структур, но и снизу. Так, 4 октября 1924 года секретарь комитета РКП(б) Песочинской волости Орловского уезда Калганов направил в совпартшколу требование 10 октября направить своих представителей на совещание представителей культшефов, поскольку «культурно-просветительная работа среди крестьянского населения требует подъёма» [7, Л. 48].

В совпартшколе, помимо комсомольской ячейки, действовали и другие общественные организации. В частности, 28 сентября 1924 года на общем собрании была образована ячейка Международной организации помощи борцам революции (МОПР), тут же избрали руководство – бюро ячейки в составе трех человек и секретаря. К октябрю того же года в ячейке МОПРа совпартшколы насчитывалось уже 182 человека, из которых 38 были коммунистами, 30 – кандидатами в члены ВКП(б),

94 – комсомольцами и 17 – беспартийными. Причём 34 человека вступили в МОПР вне стен совпартшколы. С сентября 1924 по февраль 1925 года были проведены 2 собрания и 3 заседания бюро [6, Л. 8].

Для помощи зарубежным узникам члены ячейки собирали денежные средства, которые поступали от членских взносов (46,75 руб., причём оказалось 13 неплательщиков), пожертвований (9 руб. серебряной монетой царской чеканки от одного курсанта) и от распространения литературы (9,35 руб.), которая в кредит выдавалась губернским отделом МОПРа [6, Л. 8–8 об.].

С 1 по 15 декабря 1924 года проводился двухнедельник МОПРа, губотделом организации ячейке совпартшколы было дано задание: набрать 50 новых членов, распространить 49 экземпляров газет и 36 мопровских марок. В отношении вербовки задание было перевыполнено – в ячейку вступили 58 курсантов, а два слушателя обязались завербовать 23 человека в подшефных школе деревнях. Ячейка пыталась провести воскресник в пользу МОПРа, но в Орловском коммунхозе не нашлось подходящих работ. Да и «отпущенные газеты и марки в стенах школы распространены быть не могли, за безденежьем курсантов, также не были распространены и в деревне» [6, 8 об.]. Впрочем, 3 газеты продать все-таки удалось. Оценивая работу, секретарь ячейки отметил главную трудность: «...в члены МОПРа приходилось тянуть зачастую с индивидуальной обработкой, безусловно не потому, что у нас несознательные товарищи, а потому, что у нас свирепствует эпидемия безденежья...» [6, Л. 9 об.].

«Эпидемия безденежья», описанная выше, неблагоприятно сказывалась на моральном состоянии части коллектива курсантов совпартшколы. Как отмечалось на заседании старостата 20 ноября 1924 года, «подобные явления, как кражи у курсантов денег и вещей, принимают широкий размах» [7, Л. 50]. Не-

сколько человек было выявлено. В частности, на этом заседании старостата было принято решение «ходатайствовать перед учебной частью об исключении т. Иваничкина из школы, как негодного элемента, так как факт кражи им денег вполне установлен... в бюро ячейки РЛКСМ сообщить о постановлении бюро старостата» [7, Л. 50]. Вскоре указанный курсант был отчислен из совпартшколы вместе с комсомольцем Бологовым.

Взаимоотношения как между самими слушателями, так и между курсантами и администрацией совпартшколы не всегда складывались ровно. Так, 30 декабря 1924 года на объединённом заседании ячеек РКП(б) и РЛКСМ совпартшколы совместно с партколлегией Орловского губкома компартии рассматривался вопрос о жалобе курсанта 2-й ступени группы «Б» Георгия Трепетцова на заведующего школой Г. Н. Васильева. Главу школы обвиняли в «бюрократизме, грубом обращении с курсантами и некоммунистическом поведении» [3, Л. 1]. В качестве примеров Трепетцов сообщил, что Васильев после выборов старостата собрал курсантов 2-го года обучения и «за недисциплинированность на беспартийном собрании давал нагоняй, называя их юношами и молокососами, что их особенно волновало». Затем курсант Трепетцов на другом собрании был публично назван «молокососом» за неверное выступление. И еще ему влетело от заведующего за то, что он хотел порвать вывешенное на доске объявлений решение школьного совета по поводу воровства, в котором запрещалось посещение школы посторонними лицами. Курсант Сальков уточнил, что запрет посещений был обусловлен не только случаями воровства, но и тем, чтобы «гарантировать защиту школы от всяких заразных заболеваний» [3, 3 об.]. В своём выступлении заведующий Г. Н. Васильев пояснил, что «Трепетцов человек больной, с зачатками туберкулеза, и очень часто бывает невыдержанный, с анархическими замашка-

ми», но признал, что и у него «прорывались резкости» [3, Л. 1 об.]. Заседание постановило «заявление тов. Трепетцова считать необоснованным» [3, Л. 2].

Как видим, в этом конфликте столкнулись две позиции – курсанта, проявившего «анархизм», и по сути, требовавшего демократического обращения в личном общении, выборов старостата не по указке администрации, а по предложению самих слушателей, свободного общения с посетителями в помещениях школы, и заведующего совпартшколой, прививающего иные нормы – нормы поведения госслужащих, для которых главным было исполнение распоряжений вышестоящих начальников и проявление самостоятельности только в допустимых рамках. Конечно, и в этих условиях недопустимы произвол, всевластие и хамство начальников: это означало бы, что начальники не подчиняются основным принципам системы власти, сами проявляют недисциплинированность. Исходя из понимания этих обстоятельств, заведующий Васильев и признал свое поведение неправильным по форме. В заключение совещание приняло еще одно решение: «поручить бюро ячеек РКП(б) и РЛКСМ совместно поднять дисциплину» [3, Л. 2 об.]. Отметим, что в стране проводился НЭП с его определенными допущениями демократизма в экономике, что, несомненно, влияло и на общественные настроения. В этих условиях борьба с проявлениями, по Ленину, «мелкобуржуазности» крестьянства, которое составляло абсолютное большинство населения, должна была проводиться с особым тактом.

Помимо ВЛКСМ и МОПРа, в Орловской губсовпартшколе действовала первичная организация Общества друзей воздушного флота (ОДВФ) под председательством курсанта Ивана Красногогорцева [3, Л. 9]. На 28 февраля 1925 года в ячейке насчитывалось 170 членов, из которых 25 были коммунистами, 30 – кандидатами в члены ВКП(б), 85 – комсомольца-

ми. Ячейка отметила и гендерный состав своих членов – 29 женщин и 141 мужчина. Взносы удалось собрать только у 45 % членов, от губернского совета ОДВФ были получены значки, жетоны и открытки, но и по ним имелась задолженность в 94,07 руб. С октября 1924 года были проведены 2 собрания и 4 заседания бюро ячейки. Для членов ячейки были прочитаны лекции со световыми картинками: «История авиации» и «Цепеллины и дирижабли», а также проведена экскурсия в авиамастерскую (бывший магазин Дугина) [6, Л. 10].

Созвучно нашему времени, когда гендерная тематика является неперенной участницей практически всех направлений общественной и политической жизни, и в 1920-е гг. вопросы пола, равноправия женщин были в центре внимания. В Орловской губернской совпартшколе имени В. И. Ленина в 1924 году был создан женский кружок в составе 31 курсантки. На собрании 12 декабря 1924 года выбрали руководящую тройку и приняли план работы до июня 1925 года. За это время предполагалось познакомиться с документами 13-го съезда РКП (б), Коминтерна, 3-й сессии ВЦИК, программой компартии, историей Парижской коммуны, «Кодексом законов о труде в области охраны труда женщин и подростков-девушек», а также определиться с задачами женкружка, «просить губженотдел о выделении докладчика на тему материнства и младенчества, а также о значении абортов»; вовлекать девушек в культурно-просветительную работу, в клубные секции и выдвинуть собственную кандидатку в Орловский горсовет [3, Л. 15].

На собрании женского кружка 15 марта 1925 года в докладе слушательницы совпартшколы Галины Пудлиной был затронут вопрос о «свободной любви»: «Живут, потом разводятся, в этом нужно принимать во внимание необеспеченность детей, что влечет за собой заболевание и вымирание. Мужчина, если и

обеспечивает детей, то не вполне правильное воспитание» [3, Л. 17]. Другую важную для женщин тему подняла в своем выступлении курсантка Никитченкова – «о вреде косметики и как мы должны смотреть на эту косметику – пудра, завивка и т.д., это вредит коже, кроме этого, какие взгляды девушек деревни. Пудра, завивка – это пережиток старины, в красоте мы признали красоту естественную» [3, Л. 17].

Еще одним общественным образованием, характерным для советского времени, был товарищеский суд Орловской губсовпартшколы. Он был образован 22 ноября 1924 года и до 26 февраля рассмотрел три дела – об оскорблении одного курсанта другим, о взятии книг из ленинской комнаты без ведома лаборанта и о заметке в стенгазете, в которой один из курсантов обвинял суд в бездеятельности [6, Л. 13].

В 1927–1928 гг. при Орловской губернской совпартшколе работала **вечерняя советско-партийная школа** (ВСПШ), которая подразделялась на несколько потоков по территориальному признаку: ВСПШ 1-го городского района, ВСПШ 2-го района, ВСПШ Железнодорожного района, ВСПШ первой и второй группы при губернской совпартшколе.

Помимо курсантов очного отделения с двухлетним сроком обучения и слушателей вечерних курсов, совпартшкола принимала также сторонние очные курсы из различных организаций. Такие слушатели тоже обеспечивались всем необходимым. Так, распоряжением от 11 ноября 1924 года № 17 заведующий школой Г. Н. Васильев приказал «зачислить на продуктивное довольствие (платное) с сего числа курсантов школы политграмоты при Орловском уезде [ВКП (б)] в количестве 38 человек» [2, Л. 8 об.].

Комендантская опись имущества позволяет представить себе оборудование Орловской губсовпартшколы имени В. И. Ленина: 10 учебных досок ясно указывают на количество учебных аудиторий, 344 простых краше-

ных и 1 венский стул обеспечивали размещение одновременно именно столько слушателей и преподавателей. В помещениях находились 91 парта и масса разнообразных столов – 146 учебных, 85 простых крашенных, 88 прикроватных, 8 канцелярских и 2 дубовых письменных, последние явно предназначались для руководства совпартшколы. Сохранилась и 2 конторки – столы для письма стоя. В помещениях были расставлены диваны: деревянные – 37 больших и 26 малых, мягкие – 2. У совпартшколы было свое общежитие жилой площадью 1219 кв. м [5, Л. 2 об.], именно там находились указанные 88 прикроватных столов. Кроватей было 168 – можно предположить, что аналогичным было и число проживающих. В совпартшколе имела своя столовая, здесь стояли 85 простых крашенных столов и 188 табуретов. Во всех помещениях были батареи отопления в количестве 150 штук, 81 выключатель на 125 электролампочек, правда, патрон под лампочки был 141, то есть лампочек в совпартшколе не хватало. Предметами бытовой культуры можно считать также часы – двое круглых и ходики, 68 вешалок, два зеркала, 17 тумб для мусора и 21 плевательницу [4, Л. 21–21 об.]. Следует отметить, что перечисленное имущество использовалось как вечерним, так и дневным отделением Орловской губернской совпартшколы имени В. И. Ленина.

Занятия в орловской вечерней совпартшколе в 1927 году начинались 11 октября. В группе 2-го городского района Орла было 20 слушателей в возрасте от 41 года до 24 лет. Все они были грамотными, половина – членами и кандидатами в члены ВКП(б). Эти кандидаты в госслужащие работали на разных предприятиях и в учреждениях Орла – на заводе им. Медведева (сварщик, литейщик, слесарь), спиртзаводе (разливщик), «Эльтрамводе» (бригадир, мастер, столяр, 3 слесаря), заводе им. Рыкова (чернорабочий), в Центральном рабочем кооперативе (ЦРК) (заве-

дующий колбасной фабрикой, помощник завбазой), Орловском изоляторе (младший помощник начальника тюрьмы) и другие [4, Л. 29].

Слушателям ВСПШ преподавали следующие предметы: историю ВКП (б), политэкономии, экономику, государственное и партийное строительство (гпстрой). Проводилась весьма дифференцированная оценка работы слушателей школы, главным показателем которой была степень усвоения программы обучения. Так, если Ефимов и Цвиль хорошо усвоили материал, то у Алексева и Белозерова в этой графе стояло «удовлетворительно», а у Романова вообще – «слабо». Следующий показатель – активность на занятиях, здесь оптимальной была формулировка «достаточная», наиболее активные выступали с докладами, задавали вопросы. 10 из 11 слушателей вполне удовлетворяли преподавателей, лишь всё того же Романова была недостаточная активность [4, Л. 9].

Следующая характеристика касалась столь важного для государственных служащих навыка устных выступлений. Здесь лучшая характеристика была у слушателя Алексева, который «умел формулировать свои мысли устно и письменно», Романов «затруднялся формулировать свои мысли ввиду слабой подготовки», а вот у слушателя Гуревича была другая проблема – он «формулировал свои мысли недостаточно ясно ввиду отсутствия дара красноречия» [4, Л. 9].

Сотрудники вечерней совпартшколы учитывали и желания своих выпускников относительно дальнейшей учебы. Наиболее подготовленные хотели поступать в заочный коммунистический вуз, другие планировали поступить в головную совпартшколу, третьи – окончить годичные общеобразовательные курсы, были желающие ходить в кружок ленинизма 1-й или 2-й ступени. А вот для Романова рекомендовалось «повторить вечернюю совпартшколу» [4, Л. 9].

Заключительная графа оценочной таблицы называлась – «На какой работе слушателя целесообразно использовать». Наиболее подготовленных выпускников рекомендовалось направить на агитационно-пропагандистскую работу (на агитпропарботу – двоих из 11 выпускников), других – на организационную работу, а Романова никуда не направлять [4, Л. 9].

Скорее всего, эта итоговая сводная таблица готовилась на основании отзывов преподавателей-предметников ВСПШ. В частности, преподаватель истории ВКП (б) Н. Гнездинский в характеристиках своих 10 слушателей 1927–1928 учебного года использовал следующие критерии: посещаемость (поскольку это было вечернее отделение совпартшколы, то слушатели приходили после работы, и у многих посещение носило нерегулярный характер, но многие посещали занятия аккуратно); интерес к предмету (он был достаточным или даже значительным). Затем следовало описание активности на занятиях – малая активность, активность, «активность по всем затрагиваемым вопросам». У некоторых слушателей отмечается умение «толково оформлять свои мысли». Отмечалась преподавателем и внеклассная работа по предмету, у некоторых слушателей она была нерегулярной. Усвоение программы курса описывалось от «вполне удовлетворительно» до «имеет ориентировку» и до «усвоил слабо». Наконец, итоговым параметром были рекомендации по дальнейшему использованию выпускников – от совета работать пропагандистом до предложения направить на предметный кружок, а у «слабо усвоившего курс» Петушкова этот пункт характеристики просто отсутствовал [4, Л. 3–3 об.].

Другой преподаватель истории ВКП (б) – Позняков – также составил таблицу о работе 8 своих слушателей из 7 граф: № по порядку, фамилия, имя, степень усвоения программы, учебная активность, умение формулировать

свои мысли, направления для дальнейшего образования. Причем «графу 7-ю добавил и заполнил лично без какого-либо опроса и мнения моих слушателей», записал в примечаниях к таблице Позняков. Дело в том, что преподаватель ранее отметил, что «графы 2–6 заполнялись согласно отзывам слушателей о товарище» [4, Л. 15].

Седьмая графа имела название «Примечания преподавателя» и содержала развернутые и порой эмоциональные оценки Познякова, которые позволят и нам ярче представить себе слушателей Орловской губсовпартшколы конца 1920-х гг. и сами занятия. Вот одна из таких характеристик: «Тов. Коптев был единственным моим слушателем, который посетил все мои занятия. Были случаи, когда мы работали только двое. Каждый раз тов. Коптев приходил с хорошей проработкой дома литературы. Это очень ценный товарищ, упорно работающий над своим самообразованием. Было бы преступлением не дать ему возможности поступить в Губсовпартшколу» [4, Л. 15]. Из этой характеристики видны не только добросовестность и целеустремленность слушателя, но и сам статус вечерней совпартшколы – она рассматривалась как ступень подготовки к очной учебе в Орловской губернской совпартшколе имени В. И. Ленина.

Хорошая посещаемость, не была специальным требованием для преподавателя-историка Познякова, что видно из другой характеристики: «Тов. Гречишников посетил только последнее занятие СПШ – по пятницам она занята. Это молодой, энергичный товарищ, которого учёба просто притягивает. Она имеет образование в объеме 1 ½ СПШ 2-й ступени. Очень хочет попасть в Губсовпартшколу. Лично я против посылки тов. Гречишниковой в Губсовпартшколу, ей место в группе по подготовке в вуз, и в вуз было бы очень целесообразно послать её заместителем к хорошему руководителю в какой-нибудь кружок или школу, ибо это за-

ставило бы её глубоко прорабатывать вопросы. Это мнение у меня сложилось на основе одной только встречи, но думаю, что я не делаю здесь ошибки...» [4, Л. 15]. Конечно, в такой характеристике ощущается и глубокое впечатление от личности девушки.

Иное впечатление произвела на Познякова «тов. Бушман, 60 лет от роду. На моих занятиях она была два раза. Оба раза она молчала. Сколько-либо удачных ответов на мои вопросы я не получал. Вряд ли можно предполагать наличие у тов. Бушман особой страсти к учебе – годы дают знать себя» [4, Л. 15].

Между этими полярными оценками находились остальные слушатели: «Тов. Миронов может быть взят за образец среднего слушателя СПШ. Не посетил он 2 или 3 занятия. В Ленинском кружке будет вполне хорошим слушателем, но нажим нужен». И далее: «Тов. Новицкий – точная копия тов. Миронова. В Ленинский кружок» [4, Л. 15].

Характеристики студентов, как следует из протокола от 8 мая 1928 года, утверждались на собрании слушателей вечерней совпартшколы. При этом вторым пунктом повестки собрания значилось: «Дача характеристики преподавателям Зубакину и Шевкуну». Слушатели решили, что «преподаватели Шевкун и Зубакин вполне подготовлены по своим предметам. Все вопросы излагали ясно и понятно. Со слушателями установили товарищеские отношения» [4, Л. 7]. Нужно добавить, что Шевкун присутствовал на собрании и подписал его протокол.

Преподаватель истории компартии Н. Гнездинский оставил и общий отчет о преподавании на курсе 1927–1928 гг. В нём указано полное выполнение программы на 63-часовой объём курса. Основным методом работы была развернутая беседа, «элементов лабораторного плана провести почти не удалось», задания для самостоятельной работы давались слушателям регулярно, но «самостоятельно слушатели над материалом, за

редким исключением, не работали, что явилось главным затруднением в проведении работы». Преподаватель вполне отчётливо видел и причины «затруднений» – «загруженность и по основной работе, и по линии партнагрузки». Подготовку самостоятельных докладов Гнездинский не поручал, хотя несколько раз слушатели делали сообщения инициативно. Несколько слушателей, вероятно, имеющих навык учёбы в высшей школе, по собственной инициативе составляли конспекты занятий, к удивлению преподавателя, «довольно сносно». В общем, по словам Н. Гнездинского, «состав самих слушателей не вполне соответствовал тем требованиям, которые должны быть предъявлены к поступившим в ВСПШ с целью успешной проработки положенной программы». В этой связи и «учебник по Истории ВКП (б) слишком сложен для контингента». Отметил преподаватель и некоторые внешние обстоятельства: «зачастую холод в помещении вынуждал закончить занятия ранее установленного времени» [4, Л. 3].

Другой преподаватель вечерней совпартшколы – Шевкун – вёл два предмета: Политэкономия (39 часов) и Историю ВКП (б) (45 часов, еще 15 часов по этому предмету проработал Лютиков). Шевкун успел, помимо программы, ещё 3 часа потратить на «Тезисы о пятилетке» и 3 часа дополнительных занятий ушло на «Итоги 10-летия Октябрьской революции». В целом, Шевкун отмечает те же трудности, что и Гнездинский, – недостаточную самостоятельную работу слушателей. Он предлагает и выход – по вторникам (это был первый день занятий) слушатели двух групп самостоятельно под контролем одного дежурного преподавателя прорабатывают материал курса, а на второй день занятий (по пятницам) на совместной же конференции двух групп обмениваются знаниями. Правда, при таком методе нужно было на треть увеличить объём учебной нагрузки, преподаватель практически

устранялся из процесса преподавания, да и кабинеты ВСПШ не могли вместить одновременно две группы. Но у Шевкуна и здесь было предложение – перенести занятия вечерней школы в помещения дневной совпартшколы, да, кстати, и самостоятельные занятия вечерников проводить «под руководством преподавателей той же школы» [4, 6]. Видимо, этот преподаватель не заметил, что внедрение «бригадного метода» приведет к ликвидации преподавательского корпуса как такового, а перенос нагрузки на другое подразделение будет означать ликвидацию вечерней школы как структурной единицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в Орловской губернии в период 1921–1928 гг. профессиональная подготовка партийно-государственных кадров велась в Орловской губернской советско-партийной школе имени В. И. Ленина (ГСПШ) и вечерней советско-партийной школе (ВСПШ) при Орловской губернской совпартшколе. В ГСПШ курсанты обучались с отрывом от производства в течение двух лет, в завершение проводились квалификационные испытания, и выпускников могли назначать на различные должности в системе партийно-государственного управления или зачислять в кадровый резерв. На базе ВСПШ проводилось повышение квалификации сотрудников различных организаций. Изучение истории этих учебных заведений позволяет детально воспроизвести систему подготовки кадровых советских и партийных работников, увидеть процесс формирования региональной элиты, а также воссоздать коллективный образ регионального чиновника Орловской губернии 1920-х гг.

Библиография:

1. Государственный архив Орловской области. Ф. П-446. Оп. 2. Д. 2.
2. Государственный архив Орловской области. Ф. П-446. Оп. 2. Д. 5.

3. Государственный архив Орловской области. Ф. П-446. Оп. 2. Д. 6.
4. Государственный архив Орловской области. Ф. П-446. Оп. 2. Д. 9.
5. Государственный архив Орловской области. Ф. П-446. Оп. 2. Д. 46.
6. Государственный архив Орловской области. Ф. П-1379. Оп. 1. Д. 27.
7. Государственный архив Орловской области. Ф. П-1379. Оп. 1. Д. 29.
8. Государственный архив Орловской области. Путеводитель. – Орёл: Труд, 1998. – 693 с.
9. Егоров Б.А., Еремин В.П. Весь город Орёл. Справочник. – Орёл: Орелиздат, 1993. – 302 с.
10. Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. – М.: Высшая школа, 1986. – 399 с.
11. Ливцов В.А., Саран А.Ю. Эволюция системы государственной службы и подготовки кадров для неё в Орловском крае в XVI – начале XXI века // Вестник государственного и муниципального управления. – 2021. – Т. 10. – № 2. – С. 12-22.
12. Ливцов В.А., Орлова Л.Н., Саран А.Ю., Фёфелова О.С. Комсомол Орловской области: история становления и развития. 1918–1991 гг. – Орёл: Изд. Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, 2019. – 216 с.
13. Саран А.Ю. История почты Орловского края. Изд. 3-е, доп. – Орёл: Труд, 2004. – 560 с.
14. Саран А.Ю. Большая Орловщина. История административных границ. 1566–2012 гг. – Орёл: Издательство ОрёлГАУ, 2013. – 297 с.
15. Саран А.Ю. Региональные власти Орловского края XVI – XXI веков. Персональный состав. – Орёл: Картуш, 2020. – 96 с.
16. Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОС-

СПЭН, 2012. – 478 с.

References:

1. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-446. Op.2. D. 2. (In Russ.).
2. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-446. Op.2. D. 5. (In Russ.).
3. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-446. Op.2. D. 6. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-446. Op.2. D. 9. (In Russ.).
5. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-446. Op.2. D. 46. (In Russ.).
6. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-1379. Op.1. D. 27. (In Russ.).
7. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti [State Archives of the Oryol Region]. F. P-1379. Op.1. D. 29. (In Russ.).
8. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti. Putevoditel'. – Orol: Trud, 1998. – 693 s. (In Russ.).
9. Yegorov B.A., Yeregin V.P. (1993) Ves' gorod Orol. Spravochnik [The whole city of Oryol. Directory]. – Orol: Orolizdat. – 302 s. (In Russ.).
10. Korzhikhina T.P. (1986) Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy SSSR [History of state institutions of the USSR]. – M.: Vysshaya shkola. – 399 s. (In Russ.).
11. Livtsov V.A., Saran A.Yu. (2021) Evolyutsiya sistemy gosudarstvennoy sluzhby i podgotovki kadrov dlya ney v Orlovskom kraye v XVI – nachale XXI vekov [Evolution of the civil service system and personnel training for it in the Oryol Territory in the 16th - early 21st centuries] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – T.10. – № 2. – S. 12-22. (In Russ.).
12. Livtsov V.A., Orlova L.N., Saran A.Yu., Fefelova O.S. Komsomol Orlovskoy oblasti: istoriya stanovleniya i razvitiya. 1918-1991 gg. [Komsomol of the Oryol region: the history of formation and development. 1918-1991]. – Orol: izd. Srednerusskogo instituta upravleniya – filiala RANKhiGS, 2019. – 216 s. (In Russ.).
13. Saran A.Yu. Istoriya pochty Orlovskogo kraya [The history of the post office of the Oryol region]. Izd. 3-ye, dop. – Orol: Trud, 2004. – 560 s. (In Russ.).
14. Saran A.Yu. Bol'shaya Orlovshchina. Istoriya administrativnykh granits. 1566-2012 gg. [Bolshaya Orlovshchina. History of administrative boundaries. 1566-2012]. – Orol: Izdatel'stvo Orel GAU, 2013. – 297 s. (In Russ.).
15. Saran A.Y. Regional'nyye vlasti Orlovskogo kraya XVI–XXI vekov. Personal'nyy sostav [Regional authorities of the Oryol region of the 16th – 21st centuries. Personal composition]. – Orol: Kartush, 2020. – 96 c. (In Russ.).
16. Khlevnyuk O.V. Khozyain. Stalin i utverzhdeniye stalinskoy diktatury [Master. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. – M.: ROSSPEN, 2012. – 478 s. (In Russ.).